

УТРАТА МОТИВИРОВАННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

О. Г. Нехаева

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2011 г.

Аннотация: рассматриваются семиотические типы языковых знаков и возможные трансформации одного типа знаков в другой. Предпринята попытка показать механизм перехода мотивированных языковых знаков в немотивированные знаки-символы через актуализацию потенциальных сем.

Ключевые слова: языковой знак, икона, символ, метафора, потенциальная сема, немотивированный знак.

Abstract: the article considers the semiotic types of sign-carriers and possible transition of one type of the signs to the others. An attempt is made to show the transitional mechanism of motive language signs into motiveless signs-symbols through actualizing of potential semes.

Key words: language sign, icon, symbol, metaphor, potential seme, motiveless sign.

В настоящее время понятие знака продолжает оставаться в числе наиболее важных понятий лингвистики. Наука о знаковых системах – семиотика – была заложена еще в XIX в. американским философом, логиком и математиком Чарльзом Сандерсом Пирсом (1839–1914).

Основанная на способе связи между означающим и означаемым знака, типология Ч. Пирса является одной из наиболее авторитетных. Ч. Пирс разделил знаки на «иконы», «индексы» и «символы» [1].

Икона, по Пирсу, – это знак, основанный на подобии означающего и означаемого. Любой знак может служить иконой просто потому, что похож на свой объект. Примерами икон могут быть фотографии, скульптуры, чертежи и т. д., в языке – идеофоны [1, с. 186].

Индексальные знаки базируются на факте реальной связи со своими объектами. Походка человека, идущего вразвалку, указательный палец – всё это примеры индексов [1, с. 206–207].

К *символам* Пирс относит любые знаки, которые отсылают к обозначаемому им объекту в силу закона, т.е. определенной естественной или конвенциональной привычки [1, с. 186].

Рассуждая о словах, Пирс говорит, что примером символа может быть всякое обычное слово, такое как «давать», «птица», «свадьба». С его точки зрения, символ применим к чему бы то ни было, что может воплощать идею, связанную со словом [1, с. 216].

Важно отметить, что выделенные Пирсом классы знаков могут накладываться друг на друга, т.е. иметь в себе признаки одного или двух других типов знака [1, с. 214].

В своем учении Пирс говорит не только о знаках естественных, природных, но и о знаках языковых. Однако наиболее глубокое лингвистическое осмысление идеи Ч. Пирса получили в работах Романа Осиповича Якобсона, в частности в статье «В поисках сущности языка» [2, с. 102–117].

Именно Р. О. Якобсон был первым ученым, который обратил внимание на то, что различие трех основных видов знаков, проведенное Пирсом, – это лишь различие в относительной иерархии. Р. О. Якобсон подчеркивает, что в основе разделения знаков «лежит не наличие или отсутствие подобия или смежности между означающим и означаемым, равно как и не исключительно фактический или исключительно условный, привычный характер связи между двумя составляющими, а лишь преобладание одного из факторов над другим» [2, с. 106].

Большая часть всех языковых знаков принадлежит к знакам-символам. Как писал Ч. Пирс: «Символы растут. Они возникают, развиваясь из других знаков, в особенности же из икон или из смешанных знаков, имеющих природу как икон, так и символов» [1, с. 217].

Однако символы не являются однородными: они подразделяются на мотивированные и немотивированные знаки.

Признаком мотивированного слова является его связанность, формальная и семантическая близость с производным словом, которая проявляется в наличии «внутренней формы» или мотивированного признака [3, с. 25–26].

Другими словами, мы называем их мотивированными, поскольку человек понимает, почему слово названо именно так.

Немотивированные знаки являются конвенциональными по своей природе, т.е. не обладающими качест-

вом производности, а значит, в полном смысле истинными знаками.

В то же время наблюдения А. П. Бабушкина показывают, что на уровне производности (как бы на новом «витке») вновь можно говорить об иконических знаках: «“Вторичная” иконическая сущность мотивированного знака заключается в уподоблении его звуковой оболочки (означающего) признаку, заложенному в основу его номинации, хотя сам признак не имеет ничего общего с означаемым и лишь условно (символически) связан с ним» [4, с. 10].

Другими словами, «внутренняя форма», являясь признаком, связывающим производящее и производное слова, делает лексему образной, а значит, иконической.

Одновременно с этим нельзя забывать о том, что в языке постоянно действует тенденция к забвению внутренней формы, о которой писал в свое время Н. Крушевский: «Чем дальше слово употребляется, тем менее ему нужно сохранять следы своего происхождения и морфологического состава. Насколько это лишне для значения слова, видно из того, что происхождение слова ускользает от внимания даже и там, где оно совершенно ясно» [5, с. 129–130].

Аналогичное высказывание находим и в упомянутой статье А. П. Бабушкина, где он также обращает наше внимание на тот факт, что с позиций синхронного анализа, многие лексемы утрачивают соотношенность с признаками, заложенными в основу номинаций, и перестают с ними ассоциироваться. Например, для того чтобы осознать «вторичные» иконические характеристики таких слов, как **соловей**, **копейка** или **петух**, необходим этимологический анализ [4, с. 10–11].

В данной статье предпринята попытка показать механизм перехода мотивированных языковых знаков в немотивированные знаки-символы через актуализацию имплицитно заложенных потенциальных сем.

Термин *потенциальные семы* вслед за И. В. Арнольд мы определяем как семы, зависящие от свойств называемого словом предмета реальной действительности, которые не вошли в первичную номинацию, но потенциально возможны при использовании слова в производном значении, а также при деривации. В их основе лежат не только научные, но и научно-популярные знания и просто общежитейские сведения [6, с. 10].

Несмотря на усилия, которые приходится прилагать человеку, чтобы обнаружить в некоторых мотивированных символах связь «тела» знака с признаком, заложенным в основу его номинации, интерес к такому поиску неизменен.

Лингвисты неоднократно отмечали тот факт, что ключом к выявлению семантических компонентов, скрытых в лексическом значении слова, может слу-

жить анализ метафор [7, с. 13]. Интерес для нас представляют и фразеологические единицы с метафорически переосмысленной компонентой, поскольку метафоризация играет большую роль в актах идиоомообразования, когда речь идет о переосмыслении некоторого сочетания на основе тех или иных ассоциаций и вызываемого ими образа [8, с. 176].

Обратимся к упомянутым выше примерам. Почему **соловей** называется **соловьём**, а никак иначе? Этимологический словарь Г. А. Крылова объясняет, что эта певчая птичка довольно невзрачна на вид – один лишь желтоватый цвет на ее перышках; поэтому и было дано ей такое название – ведь **соловый** означает «желтоватый». И однокоренной глагол **осоловеть** буквально означал, конечно, не «стать похожим на соловья», а «пожелтеть» [9].

В этом случае в номинации заложен признак цвета, что дает нам право говорить о «вторичной» иконической сущности данной лексемы.

Однако фразеологизм «заливаться соловьем», означающий «говорить красноречиво, увлеченно», актуализирует признак, который лег не в основу номинации рассматриваемой лексемы, а имплицитно заложенную сему, передающую функциональный признак соловья – его умение красиво петь.

Забалуев заливался соловьем и совсем заморочил бедной девочке голову. – Хорошо, – в конце концов, кивнула она. – Если маменька с братом пожелают, я исполню их волю (Елена Езерская. Там, где разбиваются сердца).

Кстати, по С. И. Ожегову, – «**соловей** – буро-серая птичка из отряда воробьиных, отличающаяся красивым пением» [10, с. 648].

Интересно отметить, что со временем произошла утрата признака цвета и в глагольной лексеме **осоловеть**. Словарь С. И. Ожегова дает лишь дефиницию «становиться вялым, сонным» [10, с. 648]. Фасмер объясняет это возможной контаминацией лексем **осоветь** «отупеть, очуметь» и **соловеть** «мутнеть» [11, с. 712].

Наступил вечер, а позади уже была бессонная ночь, поделенная между аэропортами и самолетами. Я опять выпил кофе, с сожалением поглядывая на пивные краны: мне сейчас хватит пинты, чтобы совсем осоловеть (Сергей Лукьяненко. Последний Дозор).

Возвращаясь к вопросу о постепенной потере «образности» определенных «вторичных» иконических знаков, необходимо отметить, что она может быть заметна при рассмотрении самых разных примеров метафорического употребления того или иного слова.

Несмотря на то, что каждый человек, живущий в нашей стране, постоянно видит на мелких монетах изображение всадника с копьем, вряд ли кто-то с

уверенностью скажет, почему **копейка** так называется. К сожалению, «визуальный» признак **копейки** ни с чем не ассоциируется в сознании носителей русского языка. Словарь П. Я. Черных объясняет происхождение этого слова от «копье» [12, с. 427]. А. К. Бирх в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» сообщает, что изначально эта денежная единица называлась **копейной деньгой**, т.е. деньгой с таким изображением. Так как копейка – самая мелкая денежная единица, отсюда и переносное обозначение безденежья [13, с. 338].

Анализируя различные примеры метафор, содержащих данную лексему, можно заметить, что «визуальный» признак в них стерт. Потенциальная сема «зарабатывать мало» актуализируется в метафоре «зарабатывать копейки»:

Живет сия особа в труппе, не имеет даже пары сменного белья, зарабатывает копейки, а главное – она старше Николаши, уже была замужем и воспитывает дочь. Ужас! Катастрофа! Я никогда не допущу этого брака! (Дарья Донцова. Букет прекрасных дам).

Ярким примером утраты «изобразительности» в слове **копейка** является отрывок из рассказа Георгия Бахтарова «Записки актера»:

Его ухаживания, видимо, увенчались успехом, потому что хозяйка наутро дала ему такую характеристику: «Ведь вот как бывает, человека на копейку, а удали – до черта».

Оценивая человека «на копейку» героиня романа скорее всего имеет в виду его бедность и низкое социальное происхождение.

Однако при «стертости» мотивировочного признака в приведенных выше метафорах все же остается связь с деньгами, несущими «визуальный» признак в виде копия.

Следующий пример демонстрирует полный разрыв лексического значения не только с «визуальным» признаком, но и с самим денежным знаком:

Несмотря на то, что оба офицера с утра приняли по сто с копейками граммов анестезии от всяких беспокойств во время учений, оба чувствовали себя весьма неуютно под начальственными взорами (Михаил Серегин. Большие маневры).

Оставляя в стороне какую-либо связь с монетой, на первый план здесь выходит потенциальная сема «нечто малое».

Использование метафорического переноса, содержащего лексему **копейка** в интервью, данном современным художником Никасом Сафроновым, выявляет еще один оттенок значения рассматриваемого нами слова:

В Москву люди тянутся, чтобы реализовать свои три копейки, заработанные в провинции (Никас Сафронов. Коммерсантъ Власть. 2011. № 13).

В этом случае словосочетание «три копейки» означает не что иное, как «зачатки таланта», и даже «успех, полученный где-то в провинции».

И в том и в другом примере налицо разрыв связи между «телом» знака, несущим мотивировочный признак, и стоящим за ним содержанием.

К «вторичным» иконам относится и слово **петух**, имеющий в основе наименования признак субстантивированного действия, поскольку является производным от «петь» [14, с. 27–28]. Но в метафорах и образных сравнениях отмечается не способность петуха производить выкрики, похожие на пение, а его драчливость, задиристость:

Глаза у кондуктора вдруг расширились, налились кровью. – У! Жидова! – Зарычал он. – Взять бы тебя, подлеца, да под поезд! Но Горизонт тотчас же петухом налетел на него: – Что?! Под поезд?! А ты знаешь, что за такие слова бывает? (А. Куприн. Яма).

Выступающая вперед потенциальная сема «задиристость» демонстрирует постепенное «отслаивание» материи знака от того лексического значения, которое он несет. Тем не менее у наивного носителя языка остается возможность увидеть причину переноса, связанного с характерным поведением этой домашней птицы. Полное «забвение» основания номинации до той стадии, когда причину (почему предмет зовется так, а не иначе) может назвать только этимолог, проявляется в использовании лексики **петух** во фразеологизме «пустить красного петуха». В русском языке эта фраза имеет значение «устроить пожар, поджечь» [10, с. 444].

В историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» находим информацию о том, что красный петух был как у славянских, так и балтийских и германских народов символом божества огня и солнца, и они приносили красного петуха в жертву этому божеству. Известны и поверья, согласно которым во время грозы вместе с молнией соскакивает красный петух, который поджигает дома. Кроме того, связь петуха с молнией нашла отражение и в материальной культуре: жестяными фигурками петуха издавна украшали крыши домов, чтобы предотвратить их от попадания молнии [13, с. 529–560]. Проиллюстрируем сказанное выше следующим примером:

– Как приказали, господин граф, – ответил тот. – Три бабы и старик на том свете. Усадьбе пустили красного петуха. Наших следов не найдут. Никогда (А. С. Фомичев. За гранью восприятия).

Следует подчеркнуть, что произошедший семантический переход, который повлек за собой полную потерю знаком своей мотивированности, оказался возможным благодаря опоре на народную символику и поверье, которая позволила вывести вперед потенциальную сему «огонь», имплицитно заложенную в анализируемой лексеме.

Проведенный анализ демонстрирует некий «круговорот» в языке, выражающийся в стремлении мотивированных языковых знаков к своей немотивированности. «Вторичная» связь, некогда установленная с реальной действительностью через мотивированные знаки-символы, может стать настолько слабой, что постепенно «вторичные» иконы вновь могут стать «чистыми» символами. Проанализированный материал позволяет говорить о том, что данный «круговорот» можно наблюдать через призму метафорического и фразеологического употребления, а именно через актуализацию в них потенциальных сем, имплицитно заложенных в том или ином языковом знаке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пирс Ч. С. Учение о знаках / Ч. С. Пирс // Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – М. : Логос, 2000.
2. Якобсон Р. О. В поисках сущности языка / Р. О. Якобсон // Семиотика. – М. : Радуга, 1983.
3. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / Э. В. Кузнецова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989.
4. Бабушкин А. П. Типы языковых знаков в семиотическом аспекте / А. П. Бабушкин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 2.
5. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. Изв. и учен. зап. Импер. Казан. ун-та / Н. В. Крушевский. – Казань, 1883. – Т. 19. – Январь-апрель.
6. Арнольд И. В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1979. – № 5.
7. Борискина О. О. Теория языковой категоризации : национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О. О. Борискина, А. А. Кретов – Воронеж : ВГУ, 2003.
8. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке : язык и картина мира. – М., 1986.
9. Этимологический словарь Г. А. Крылова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/25/223-0.html>
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов – М. : Рус. яз., 1986.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 3.
12. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. 1.
13. Бирих А. К. Русская фразеология : историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007.
14. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. 2.

Воронежский государственный технический университет

*Нехаева О. Г., преподаватель кафедры иностранных языков и технологии перевода
E-mail: nekhaeva67@yahoo.com
Тел.: 8 (473) 272-03-55*

Voronezh State Technical University

*Nekhaeva O. G., Teacher of the Department of Foreign Languages and Technology of Translation
E-mail: nekhaeva67@yahoo.com
Tel.: 8 (473) 272-03-55*